

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165
EDN: GOLTOF

МИГРАЦИЯ РОССИЯН В МОНГОЛИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бредихин А. В.

*Институт Китая и современной Азии РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1/33)*

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования:

Бредихин А. В. Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 153–165. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165; EDN: GOLTOF

Аннотация. В системе межгосударственных отношений Российской Федерации и Монголии сложились свои особенности миграционного процесса, связанные с различными событиями XX и XXI веков. Гражданская война в России перешла на территорию Монголии, где «белое» движение смогло на время установить свою власть, а в последствии туда направились представители эмиграции как на постоянное место жительства, так и для дальнейшего убытия в другие страны. Непризнанный статус «шестнадцатой» союзной республики в годы СССР способствовал притоку советских специалистов, формирование соответствующей миграционной волны. Третий рассматриваемый этап, а это период Специальной военной операции 2022–2023 гг., актуализировал вопрос прибытия в Монголию российских релокантов, значительное число которых остаётся работать на удалённом формате в РФ. В рамках исследования автор ставит цель показать основные этапы миграции россиян на территорию Монголии. Последствием метода историзма определяются причины и результаты миграционных волн, приводится статистика. В результатах автор приходит к тому, что миграционные процессы базируются на общем культурно-цивилизационном коде, исторической близости России и Монголии, необходимости развития сотрудничества в рамках различных наднациональных интеграционных объединений, в том числе Шанхайской Организации Сотрудничества и Евразийского Экономического Союза.

Ключевые слова: мигранты, Россия, Монголия, казаки, советские специалисты.

Введение

Основными мотивирующими факторами, которые приводят к миграции населения, стали экономические причины, такие как поиск работы, возможности трудоустройства, улучшение условий труда, ведение бизнеса. Но между тем остаются и продолжают играть свою роль и причины внешнего характера — вооружённые конфликты и стихийные бедствия.

Целью исследования является рассмотрение взаимосвязи различных волн эмиграции россиян на территорию Монголии, обусловленные Гражданской войной 1917–1922 гг., экономическим сотрудничеством советского периода и Специальной военной операцией (СВО) на Украине. В этой связи были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать исторические особенности эмиграции россиян на территорию Монголии; 2) выявить место фронтирменов — казаков и монгольских народов в данном процессе; 3) дать оценку последствиям текущей волны эмиграции россиян в Монголию. В современной науке проблема миграции россиян в Монголию актуализирована в связи с аспектами трансграничного сотрудничества и пандемией COVID-19, что представлено в работах Ц.Д. Гончикова, Ч.Б. Урбановой, Б.Ц. Дымчиковой, С. Эрдэнэсүх [1], Б. Нацагдорж [2], И.В. Имидеевой, Н. Болдбаатар Нандинцэцэг, В.А. Медведь [3], И.Г. Актмаов [4] и других. В исследовании использована институциональная методология, позволяющая определить роль миграционных волн в системе российско-монгольского взаимодействия.

Три миграционные волны XX века

Русские поселения на территории нынешней Монголии появились в конце XIX века. Данная тенденция находила поддержку у III и IV Государственной Думы. Формирование диаспоры из числа казаков, старообрядцев, а в последствии и советских специалистов нашло отражение в появлении понятия «местнорусские» [5, с. 117], «семеновцы (цагантанууд)», «орос». Поскольку

ку Монголия соседствует с Россией, её история и культура связаны с такими регионами, как Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Тыва и Забайкальский край.

Россия сыграла решающую роль в получении независимости Монголии: китайские войска были изгнаны с монгольской территории с помощью русских, а монгольские власти использовали крах династии Цин, чтобы приблизиться к России. Монголия стала Народной Республикой в 1924 г., и, хотя она никогда официально не входила в состав СССР, её нередко называли шестнадцатой республикой или страной-спутником. На протяжении более двадцати лет Советский Союз был единственным государством, признавшим независимость Монголии. Под советским давлением на другие страны, в том числе на Китай, Монголия постепенно установила дипломатические отношения с другими странами.

Монголия в XX в. пережила три крупные волны эмигрантов, которые прибыли как из Российской Империи, так и позднее. Первая волна прибыла ещё до революции 1917 г. после реформ П.А. Столыпина в связи с японской угрозой на Дальнем Востоке России. Вторая волна пришлась на период 1920–30-х гг. и была напрямую связана с нарастающей коллективизацией в СССР. Третья волна началась в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и продолжалась вплоть до 1990-х годов. Волны отличались своим составом. Первая волна — «белое» движение, казачество. Их сменили коллаборционисты и заключённые, отбывавшие наказание в лагерях Монголии. Приток последних в послевоенное время был обусловлен строительством ключевой магистрали — Улан-Баторской железной дороги, а также промышленной добычей урана в прилегающих регионах. Миграционный поток населения в период до 1990-х гг. состоял из людей из разных республик СССР, с разным уровнем образования и разным социальным опытом.

Казачество являлось одной из крупнейших этносоциальных групп на территории Российской империи. По данным на 1916 г., на территориях Области войска Донского

жило 1,5 млн казаков, Кубанского казачьего войска — 1,3 млн., Оренбургского — 533 тыс., Забайкальского — 264 тыс., Терского — 255 тыс., Уральского — 174 тыс., Амурского — 49 тыс., Семиреченского — 45 тыс., Астраханского — 35 тыс., Уссурийского — 35 тыс. человек. Исходя из этих показателей, можно сделать вывод о том, что казачество являлось обширным и сложным социальным институтом со своей структурой и системой управления, но главным аспектом для страны являлось то, что казаки были преданы царю и государству, на защиту которого они вставали первыми.

Гражданская война в России — это великая трагедия в нашей истории, которая привела к реформации всех сфер как общественной, так и государственной жизни. Большая часть казачества встала на сторону «белого» движения, другая — вступила в союз с их противниками, а третья группа казачества была в ожидании и не принимала никаких решений. Ключевым моментом противостояния выступила принятая советскими властями в 1919 г. «Директива о расказачивании». Массовая эмиграция казаков из России происходила в составе представителей «белых» войск на завершающем этапе Гражданской войны и непосредственно после неё, когда казаки бежали от преследующего их «красного террора» в ряд европейских стран.

Представителям казачества, которые проживали на территории Урала, было труднее, им приходилось уходить с территории страны через «мёртвые» земли пустынь Центральной Азии. При пересечении границы с Монголией, из около 200 тыс. казаков, бежавших от войны, спаслись лишь 50 тысяч. Другая крупная волна эмиграции казачества происходила с территории Забайкалья, Приамурья и Приморья. В ряде доктринальных источников можно заметить, что число эмигрантов варьируется в пределах 500 тыс. казаков. Затем к ним прибавились ещё около 50 тыс. казаков, которые бежали от послевоенных репрессий.

Доподлинно рассмотреть все этапы эмиграции казаков с приведением статистических данных не представляется возмож-

ным, ввиду утраты многих исторических документов, а также их уничтожения, но можно выделить наиболее яркие примеры, чтобы проследить систематичность и количество казаков, бежавших на территорию Монголии. Так в октябре 1920 г. после разгрома белых войск в Забайкалье в Монголию ушла Азиатская конная дивизия барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга, а уже 3 февраля 1921 г. им была занята Урга. Став фактическим правителем Монголии, он превратил её в базу для военных операций против Советской России.

Енисейские казаки, которые отступили из Енисейской губернии в конце 1919 — начале 1920 гг. в Западную Монголию, сосредоточились в Улясугае. Их руководителем стал председатель войскового правительства ЕКВ есаул И.Г. Казанцев, который в октябре 1920 г. бежал из изолятора в Иркутске. В начале 1921 г. под его командованием было уже до полутора сотен казаков, а ближе к лету 1921 г. их количество возросло до полноценной боевой дивизии, что наглядно показывает динамику эмиграции представителей казачества. К началу наступления на Урянхай казачий отряд И.Г. Казанцева насчитывал 450 человек. При этом отряд мог пополниться и за счёт енисейских казаков, ушедших в Монголию.

В Приморье в 1920 г., после фактического раскола белых воинских формирований на «каппелевцев» и «семеновцев», часть казаков — половина Енисейского полка конный дивизион (180 человек), состоявшего из двух конных сотен под командованием Г.К. Бологова, — выбрала сторону Семёнова и ушла в его ставку. Оставшаяся часть Енисейского казачьего полка — пеший дивизион сотника Вербицкого, также насчитывавший около 180 человек, — располагалась в окрестностях Владивостока. Очевидно, что, помимо боеспособных казаков, в этот момент в Приморье находились и члены семей енисейцев [6, с. 115].

В это время полковник Г.К. Бологов решает остаться в России и продолжить вооружённую борьбу. Из казаков Енисейской казачьей дружины он сформировал отряд добровольцев в составе 42 человек. После

ухода основных сил, он со своим отрядом выступил из Ивановки, намереваясь уйти в пограничный Гродековский район, создать там базу и к лету 1923 г. развернуть в Приморье партизанскую борьбу. Однако, не имея возможности продержаться зиму в условиях нехватки продовольствия и фуража Г.К. Бологов в конце 1922 г. уводит отряд в Монголию, а затем и в Китай [7, с. 200]. Бывший атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский в 1940 г. писал: «Часть казаков, во главе с полковником Г.К. Бологовым, вскоре же после эвакуации отправилась в Ниппон и на острова, на джигитовку. Группа эта осела в Шанхае» [8, с. 145]. Г.К. Бологов стал наиболее деятельным членом енисейской казачьей общины Монголии.

После ухода в Китай Сводно-казачий отряд генерала П.И. Блохина с присоединившимися к нему семьями был переименован в Сибирско-Енисейскую беженскую группу, состоявшую из 459 военнослужащих, 18 женщин и 14 детей. Беженцы были размещены в лагерях у городов Гирин и Чаньчунь. А.Н. Тялшинский пишет: «Большая же часть казаков поселилась в так называвшейся полосе отчуждения бывшей Китайской Восточной железной дороги и занялась здесь мирным трудом. В 1926 г. в Харбине образована Зарубежная станица. Станица эта входит в Союз казаков на Дальнем Востоке и исполняет все распоряжения Начальника Союза» [8, с. 146].

Миграционная волна «белой» эмиграции

В Монголии было сформировано Временное правительство Монгольского государства в 1921 г. и атамана Г.М. Семёнова избрали Верховным уполномоченным Монголии. По словам С.А. Таскина, «Семёнов пользуется большим почётом у бурят и монголов. На съезде монголов в Чите Г.М. Семёнову поднесён титул «Цинвана» — Светлейшего князя. Кроме того, они подарили Семёнову шюхадца — белую выдру, которая по монгольским преданиям родится один раз в сто лет. Такие подарки делаются самым

высоким людям. Семёнов из выдры пошил шапку, и это очень нравится монголам. Такое уважение к Семёнову я объясняю тем, что во время борьбы с большевиками, которые преследовали монголов и бурят, он оказывал последним покровительство, и они находили у него приют» [9, с. 40]. Так наметилась схема устройства политической власти в Монголии — теократическая монархия, «вторым лицом» которой, командующим вооружёнными силами, должен стать представитель российского «белого» движения (в 1919 г. это был Г.М. Семёнов, а в 1921 г. им стал Р.Ф. Унгерн-Штернберг).

Создание нового государственного образования предполагалось во взаимосвязи с созданием «единого антибольшевистского фронта». Атаман Г.М. Семёнов стремился доказать, что «большевистский пожар» из России рано или поздно охватит Европу и Америку, большевизм в Китае или в Индии взорвёт весь мир. Поэтому независимая Монголия могла бы стать защитой Азии от «большевистской болезни», оплотом стабильности в регионе. Однако призывы атамана не встретили поддержки стран Антанты. Тем не менее, Г.М. Семёнов считал решения Даурской конференции принципиально важными. Прежде всего, он получал теперь возможность комплектовать свои воинские части монголами, так как они «отличаются большой храбростью в боях и совершенно не поддаются большевистскому воздействию». Образовавшись таким образом резервы предполагалось отправить на помощь А.В. Колчаку, на Урал и в Сибирь. Г.М. Семёнову поручалось также контролировать создание собственно монгольской армии, что позволяло существенно укрепить российское военно-политическое влияние в регионе.

Неправомерно утверждать, что создание «Великой Монголии» — всецело заслуга Г.М. Семёнова, хотя ему (а не Р.Ф. Унгерн-Штернберу) принадлежит первенство в формировании монгольской контрреволюционной государственности. В своём исследовании Л. Юзефович приводит суждение казачьего офицера Гордеева: «Семёнов мечтал — в интересах России — образовать

между ней и Китаем особое государство. В его состав должны были войти пограничные области Монголии Барга, Халха и южная часть Забайкальской области. Такое государство, как говорил Семёнов, могло бы играть роль преграды в том случае, когда бы Китай вздумал напасть на Россию ввиду её слабости» [10, с. 32].

По его убеждению, в «монгольском вопросе» Г.М. Семёнов «держал нити всего международного значения Монголии» и являлся «буфером» от «проникновения туда иностранцев». Для укрепления российского военного влияния в Забайкалье следовало «оказывать» местное население и создавать специальные воинские части по национальному признаку: «Самоуправление бурят и тунгусов необходимо организовать по образцу самоуправления казачьего и влить в состав Забайкальского казачьего войска...; части Туземной дивизии комплектовать тунгусами и бурятами» [11, с. 102]. Подобные идеи разделяли многие делегаты состоявшихся в Чите в сентябре и ноябре 1919 г. Национальных бурятских съездов, выразивших «полное доверие» атаману Г.М. Семёнову и, в частности, постановивших провести дополнительную мобилизацию 2 тыс. всадников для Бурятского отряда. Однако, несмотря на поддержку со стороны Г.М. Семёнова, отношение к политике «белого» правительства в Бурятии нельзя было назвать однозначно позитивным.

Советская власть своими жестокими методами против казачества и других представителей «белого» движения лишила нашу страну её лучших защитников и представителей различных элит. В Монголию выехал весь цвет казачьей элиты в лице высокопоставленных офицеров и атаманов. Были эвакуированы различные казачьи училища и России пришлось заново организовывать подготовку военных казачьих кадров. В связи с этим Россия перед началом Великой Отечественной войны оставила свои границы «голыми» и лишилась своих элитных и боеспособных частей, что способствовало началу советскими властями кампании «за советское казачество» в 1936 г. и создания казачьих подразделений в РККА.

Миграционная волна советских специалистов

Монгольская Народная Республика (МНР) оказалась под сильным советским влиянием после 1920-х гг., а уже к 1960-м гг. МНР получала огромные масштабы военной и экономической помощи от СССР. Данный аспект был обусловлен усиливающимся напряжением в отношениях между СССР и Китаем: руководство СССР выбрало МНР для некоего военного плацдарма в Северо-Восточной Азии. Как отмечает Курт Дэмбрэл: «Сотни тысяч советских граждан и граждан стран Варшавского договора жили и работали на территории Монголии... По данным статистики, 2/3 советских специалистов и советников, работавших за рубежом, трудились в Монголии. В течение этого времени сформировался уникальный социальный опыт взаимодействия между советскими специалистами и монголам» [12, с. 19].

При этом надо заметить, что в большей части доктринальных источников, описывающих эмиграцию советских специалистов, она квалифицируется как колониальная. Однако политическая элита советского государства подавало её в контексте реализации тезиса В.И. Ленина об отсталых и угнетённых народах Азии, о «великой цивилизационной миссии советского народа». Советские специалисты — это феномен, который имел зачатки ещё в Российской империи, когда руководство страны высказывалось об интервенции в Монголию, созданию там аграрного и военного плацдарма. Советское правительство отчасти продолжило реализацию данных идей с упором на промышленную сферу.

В связи с этим на территорию Монголии начался значительный приток советских инженеров, геологов, архитекторов и других специалистов, которые создавали в МНР «промышленный плацдарм социализма» в Азии. В подтверждение этого можно привести статистические данные, которые демонстрируют динамику присутствия советских специалистов на территории МНР. Л. Шинкарев пишет: «данные

о динамике роста советских специалистов в стране начиная с 1961 г.— 990 человек, в 1962 г.— 2624 человека, в 1963 г.— 3779 человек» [13, с. 105].

Советские специалисты уже в 1960-х гг. сформировали инфраструктуру в крупных городах МНР: были построены школы, детские сады, больницы, различные магазины. При этом в МНР из СССР и других коммунистических стран экспортировались значительные объемы продуктов питания, бытовой техники, электроники, текстиля, автомобилей, но необходимо отметить, что доступ к этой категории товаров был только у советских эмигрантов и социальной элиты МНР. Как справедливо замечает монгольский историк М. Этхэтгэл: «СССР был своеобразным Западом для Монголии, т.е. западная цивилизация проникала в Монголию в XX в. при помощи СССР»¹. Затем, к началу 1980-х гг. количество специалистов, которые приезжали в МНР из СССР значительно снизилось и это вызвало претензии со стороны руководства Монголии.

Негативная тенденция в советском обществе привела к событиям 1989–1990 гг. и «свержением» социалистического строя. Антисоветский настрой перешёл и на территорию Монголии. Тогда для защиты важных объектов на территории Монголии, советское руководство строило металлические заборы вокруг промышленных, военных и иных значимых объектов. Об этом упоминал советский строитель А. Неверов, который работал в то время в Монголии: «Мы металлическими заборами пытаемся оградить себя от населения той страны, в которой работаем, той страны, которая получает от нашего народа столько помощи, сколько никакая другая... Кстати, ни одна из стран, чьи представители живут и работают здесь, не последовали нашему примеру» [14, с. 23]. К исходу 1993 г. из Монголии убыли практически все граждане бывшего СССР, потому что жить в стране, где враждебно настроены ко всему советскому, было опасно. В данный момент потомков советских специали-

стов, которые эмигрировали в Монголию, почти не осталось.

Релоканты 2022–2023 годов

Начало СВО в 2022 г. способствовало выезду с территории РФ граждан, ставших релокантами в Абхазии, Азербайджане, Армении [15], Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, странах Прибалтики. Местное население, согласно социологическим исследованиям, относится лояльно к прибывшим мигрантам: в Грузии больше 40% опрошенных считает, что приехавшие россияне могут принести пользу, в Армении таких 73%. Появление высококвалифицированных специалистов, рост спроса на услуги, возможности заработка для местных жителей приветствуют жители Таджикистана (55%), Киргизии (42%). В Узбекистане опрошенные указывали, что рады приезду специалистов (46%), однако лишь 23% считают, что это повлияет на технологичность их страны². Часть выехавших граждан выбрали местом своего пребывания иные страны, например Объединённые Арабские Эмираты, Южную Корею, страны Европейского Союза, Юго-Восточной Азии. К числу таких стран относится и Монголия.

Монголия является государством-наблюдателем Шанхайской Организации Сотрудничества и имеет сбалансированную систему взаимодействия с её основными двумя лидерами Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [16, с. 15]. При этом исторически она имеет глубокие взаимосвязи с нашей страной [17]. На территории страны проживают народы, кровнородственно связанные с постсоветским пространством. По данным переписи населения 2020 г. это казахи— 121 тыс. человек (3,8%), буряты— 44 тыс. (1,4%), тувинцы— 2,4 тысячи (0,1%), кроме того часть халка-монголов, дэрбэтов, дархатов, торгутов, хотогойтов и других народов проживают в российских республике Бурятия и Калмыкия. В 2019–2020 гг. в связи с распростране-

¹ Монголын Улсын статистикийн Баримт Эмхэтгэл 1988: статистический сборник Монголии. — Улаанбаатар, 1989.

² Социологи назвали самую дружелюбную к релокантам страну бывшего СССР // РБК.— URL: <https://www.rbc.ru/society/23/06/2023/649442c09a7947507741fed0> (дата обращения: 01.06.2023).

нием COVID-19 в Монголию вернулось порядка 60 тыс. репатриантов, что отразилось на демографическом и трудовом составе населения [4, с. 70].

С правовой точки зрения основой для сотрудничества наших государств является Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Монголией, подписанный в Улан-Баторе 3 сентября 2019 года. В документе отображаются различные направления взаимодействия, в том числе в статье 7 Договора в целях безопасности стороны обязуются сотрудничать в области миграции, создают необходимые условия для реализации договорённостей в области правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. В России и Монголии Конституции и другие законы гарантируют права иностранных граждан. В обоих дружественных государствах основополагающий принцип заключается в том, что иностранные граждане имеют те же права и несут те же обязанности, что и граждане своего собственного государства, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством. Лидеры России и Монголии в своих публичных выступлениях неоднократно отмечали, что, учитывая долгую историю дружбы, сотрудничества и взаимной взаимодополняемости народов, обе страны должны работать над созданием позитивного имиджа в глазах приезжих граждан.

В связи с отменой визового режима с Монголией в 2014 г. произошло значительное увеличение числа граждан, пересекающих границу в обоих направлениях, как со стороны Монголии, так и из России. Данные Главного управления по вопросам миграции МВД России в Республике Бурятия показывают, что после принятия закона, в 2015–2017 гг. пассажиропоток граждан обоих государств почти удвоился. Например, в течение 6 месяцев 2016 г. на международном пограничном пункте пропуска «Вокзал Наушки», международном автомобильном пункте пропуска «Кяхта», двустороннем автомобильном контрольно-пропускном пункте «Монди», аэропорту Улан-

Удэ в обоих направлениях 453 тыс. граждан Монголии пересекли государственную границу РФ и МНР [18, с. 284]. Монголия легко доступна для въезда, через республику Бурятию. Между Россией и Монголией есть прямое железнодорожное сообщение (Иркутск—Улан-Удэ—Улан-Батор) и автомобильное, автобусное. В приграничных регионах России наблюдается высокий уровень миграции, в отличие от приграничных аймаков Монголии. Центрами притяжения мигрантов в Монголии являются в основном города Улан-Батор, Дархан и Эрдэнэт. Улан-Батор—один из самых быстрорастущих городов мира, среднегодовой приток внутренних мигрантов оценивается в 100 тыс. человек [19, с. 43].

Монголия присоединилась к Международной организации по миграции (МОМ) в качестве члена в 2008 году. Деятельность МОМ в стране основана на соглашении о сотрудничестве, подписанном 27 ноября 2010 года. В 2011 г. МОМ открыла отделение в Улан-Баторе и с тех пор вносит свой вклад в усилия правительства Монголии по эффективному управлению миграцией с помощью широкого спектра проектов и программ. В Монголии, по состоянию на середину 2021 г., международные мигранты составляли 21345 человек (около 0,7% всего населения). По данным МОМ, большинство мигрантов приезжают из Китая, Северной Кореи, России и стран Центральной Азии. Эти мигранты в основном переехали в Монголию по причинам, связанным с работой. После 1991 г. увеличилось число мигрантов, прибывающих из Китая и России, чтобы работать, в основном в строительстве или частном бизнесе. Южнокорейцы мигрируют в Монголию для управления малым бизнесом, в основном ресторанами или караоке-барами. Улан-Батор и Пхеньян поддерживают отдельную официальную программу для приглашённых работников, благоприятствуя северокорейцам, приезжающим на работу в Монголию.

С начала СВО Российской Федерации на Украине в 2022 г. монгольское руководство заняло позицию нейтралитета. «На международной арене проводится жёсткая по-

литика осуждения и изоляции России, но наша страна неуклонно следует принципу нейтралитета, не занимая ни одну из сторон, и продолжает успешно развивать добрососедское сотрудничество с двумя нашими вечными соседями — Россией и Китаем. Оно является приоритетом внешней политики Монголии.»³ — заявил министр иностранных дел страны Батмунхийн Батцэцэг. Данный подход не нашёл одобрения у стран Запада и представителей оппозиции. Не остался в стороне бывший президент Цахиагийн Элбэгдорж, призвавший принять в Монголии бурят, тувинцев и калмыков: «Мы, монголы, встретим вас с распростёртыми объятиями и открытым сердцем»⁴.

Согласно соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан и Российской Федерации и граждан Монголии, взаимное пребывание на территории без визы составляет 30 дней. Затем мигрант либо продлевает пребывание на 30 дней, либо получает вид на жительство⁵. «В Монголии существует 56 видов на жительство, таких как работа, учёба, инвестирование, проживание по семейным обстоятельствам»⁶ — отмечает глава монгольского управления иностранного гражданства и натурализации Нэргуйн Ууганбаяр.

В 2022–2023 гг. началась новая волна эмиграции из России в Монголию. Так, источники сообщают, что в период в 2022–2023 гг. в Монголию въехало 22540 российских граждан, из которых 85% покинули страну по состоянию на середину октября⁷.

³ В Улан-Баторе заявили, что антироссийские санкции напрямую повлияли на Монголию // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17730369> (дата обращения: 1.06.2023).

⁴ В Монголии готовы принять представителей национальных меньшинств, несогласных с СВО. — URL: <https://yakutia.info/article/206671> (дата обращения: 1.06.2023).

⁵ Монголия адаптируется к релокантам // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5593815> (дата обращения: 1.06.2023).

⁶ Власти Монголии пообещали выдавать россиянам виды на жительство // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (дата обращения: 1.06.2023).

⁷ Тенгис А. Толгойг нь алхаар цохин гэмтээжэ. — URL: <http://dailynews.mn/?p=13119> (дата обращения: 1.06.2023).

Неофициальные сообщения указывают на то, что большинство российских граждан путешествовали в безвизовые страны, такие как Казахстан, Турция, Узбекистан, Грузия, а также в страны Европейского Союза, Таиланд и Южная Корея. Пожалуй, особенность нынешней волны эмиграции в Монголию состоит в том, что туда активно едут жители не столько Центральной России, сколько таких регионов, как республики Бурятия и Тыва, Иркутская область. В ноябре 2022 г. отмечалось, что граждане России составляют самую многочисленную группу мигрантов, находящуюся на территории страны. «По состоянию на 21 ноября 2022 г. в Монголии находились более 22 тыс. иностранцев из 124 стран. Большинство из этих людей, более 6 тыс. человек, являются гражданами Российской Федерации. Они приехали в страну для учёбы, работы и по семейным причинам»⁸ — сообщалось в управлении по делам иностранных граждан.

Данные миграционные тенденции коррелируются с решением Правительства Монголии объявить 2023–2025 гг. «Годами посещения Монголии» и разработать «послековидную» кампанию по привлечению туристов из Российской Федерации. При этом «скорее всего, это временная ситуация. Я не вижу, чтобы Монголия принимала слишком много беженцев. Большинство из них направляются в другие страны, такие как Южная Корея, Турция и Таиланд. Если вдуматься, Монголия на самом деле не является принимающей или экономически дружественной страной для мигрантов»⁹. — указывается в The Diplomat.

Монгольские неправительственные организации уделяют пристальное внимание вопросам, связанным с российскими мигрантами. Например, Монгольская национальная торгово-промышленная палата (MNCCI) провела опрос среди российских мигрантов в Монголии с 10 по 25 ок-

⁸ Граждане РФ составляют самую многочисленную группу иностранцев, находящихся в Монголии // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16401791> (дата обращения: 1.06.2023).

⁹ Russian Citizens Flooding Into Mongolia to Evade Conscription // The Diplomat. — URL: <https://thediplomat.com/2022/10/russian-citizens-flooding-into-mongolia-to-evade-conscription/> (дата обращения: 1.06.2023).

тября 2022 г. и привлекла внимание правительства к этому вопросу¹⁰. В докладе отмечается, что 29% российских мигрантов находились в стране по туризму, 18% искали работу и 12% заявили, что их целью было обучение в стране. Опрос также показал, что 28%, отвечали, что планируют остаться более месяца, 29% планируют прожить в Монголии постоянно, а 34% не уверены в своём плане пребывания. Кроме того, 83% мигрантов выразили готовность продлить свои визы, в то время как около 90% надеялись работать в Монголии. Отвечая на вопрос о насущных проблемах и трудностях, с которыми они столкнулись в Монголии, 31% респондентов указали, что найти работу и получать доход было сложной задачей, поскольку компании платят высокие налоги за трудоустройство иностранного гражданина, в то время как 16% упомянули о трудностях поиска доступного жилья для аренды, учитывая высокие цены на аренду квартиры. Впоследствии 14% указа-

ли на проблемы языкового барьера и 21% — на трудности получения вида на жительство и продления виз¹¹.

Как сообщают СМИ, в период с 1 января по 31 мая 2023 г. в Монголию из России въехало более 60 тыс. россиян. Особенный отток россиян произошёл в период с 22 сентября 2022 г. по 31 ноября 2022 года. На основании статистических данных, опубликованных Федеральной службой безопасности Российской Федерации (табл. 1), выехавшие россияне не ставили своей целью переезд на постоянное место жительства в Монголию. У туризма, как цели визита россиян, с III квартала 2022 г. наблюдается стабильное снижение. Обслуживающий персонал, за исключением I квартала 2023 г. имеет стабильное значение в пределах 3–4 тысяч человек. Абсолютное большинство въезжающих указывают частную цель, что во многом не позволяет определить их реальных намерений пребывания на территории Монголии.

¹⁰ Олзийхутаг Г. ОХУ цэргийн дайчилгаа зарласнаас хойш сар орчмын хугацаанд 22540 орос иргэн Монголд орж ирснээс 85% нь гарч явжээ. — URL: <https://ikon.mn/n/2pbb> (дата обращения: 1.06.2023).

¹¹ Тенгис А. Толгойг нь алхаар цохин гэмтээж. — URL: <http://dailynews.mn/?p=13119> (дата обращения: 1.06.2023).

Таблица 1
Количество россиян, выехавших с территории России на территорию Монголии в 2022–2023 гг. по данным Федеральной службы безопасности РФ

Table 1

The number of Russians who left Russia for Mongolia in 2022–2023, according to the Federal Security Service of the Russian Federation

Цель визита	2022 год				2023 год		
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	1 квартал	2 квартал	3 квартал
Деловая	231	126	537	206	370	281	279
Туризм	227	130	724	650	402	320	147
Частная	901	28510	60633	45426	41450	51251	59098
Обслуживающий персонал	3432	3592	3571	4017	1848	3189	3238
Переезд на постоянное место жительства	0	1	1	0	0	0	0
Итого	5080	32368	65573	50345	44187	55080	62888

Источник: ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 30.12.2023).

Хэрлэнгийн Булгантуяа, министр пограничным переходам Монголии, в заявлении ТАСС подчеркнула, «что на грани-

цах страны в ближайшие годы планируется открыть десять транспортных терминалов, а шесть региональных аэропортов полу-

чат право принимать международные рейсы. Все это позволит значительно улучшить условия для въезда и передвижения внутри страны»¹². Это говорит о том, что число мигрантов из России в Монголию значительно возрастёт, при этом, для большинства Монголия не будет являться конечным пунктом.

Таким образом, миграция россиян в Монголию в период 2022–2023 гг. составила приблизительно 250 тыс. человек. Часть мигрантов — буряты из Республики Бурятия. Для многих мигрантов Монголия является пересадочным пунктом, и лишь небольшой процент от общей массы берет вид на жительство в Монголии. При этом, 98% из них остаются в Улан-Баторе, а 2%, получив работу, переезжают на постоянное проживание в сельскую местность.

* * *

Исторические миграционные потоки россиян в Монголию были обусловлены

¹² В Монголии в 2023 году планируют привлечь до 250 тыс. туристов из РФ // ТАСС.—URL: <https://tass.ru/obschestvo/17051103/amp> (дата обращения: 1.06.2023).

общим культурно-цивилизационным кодом, сохраняющимся для народов Евразии и формирующим евразийскую цивилизацию, что особенно актуально в рамках политики разворота России на Восток. Особую роль в межгосударственном сотрудничестве играют казачества и монгольские народы, проживающие на территории Российской Федерации, и выступающие в качестве проводников российской «народной дипломатии».

Несмотря на отсутствие серьезных изменений демографического баланса населения в связи с миграционными волнами и проведением ряда «Их Хэлмэгдүүлэлт» — «Великих репрессий», российские мигранты оказали существенное влияние на становление монгольской государственности. Современная миграция россиян в Монголию имеет взаимосвязь со Специальной военной операцией и несёт в себе потенциал развития позитивного отношения к россиянам со стороны коренного населения страны, а в будущем способна стать проводником российской «мягкой силы» в стране.

Литература и Интернет-источники

1. **Гончиков, Ц. Д.** Пространственно-временные аспекты миграции населения в приграничных районах монгольского плато (на примере Бурятии и Монголии) / Ц. Д. Гончиков, Ч. Б. Урбанова, Б. Ц. Дымчикова, С. Эрдэнэсүх // Успехи современного естествознания. — 2019. — № 4. — С. 43–50. EDN: YVJPOR
2. **Нацагдорж, Б.** Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонгол-бурят) / Б. Нацагдорж // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2013. — № 1. — С. 61–75. EDN: TRKESL
3. **Имидеева, И. В.** Трудовая миграция в Монголии в период пандемии COVID-19 / И. В. Имидеева, Н. Болдбаатар, В. А. Медведь // Научное обозрение. Серия 1: экономика и право. — 2020. — № 3. — С. 122–133. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-11; EDN: YTMSBC
4. **Актамов, И. Г.** Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии / И. Г. Актамов, А. В. Винокурова, Ю. Г. Григорьева // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831; EDN: WRHQXC
5. **Михалев, А. В.** Из Сибири в Монголию, или Русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации / А. В. Михалев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Регионоведение. — 2012. — № 1(8). — С. 117–127. EDN: PARRUZ
6. **Семёнов, Г. М.** О себе: Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семёнов. — Москва : АСТ, 2002. — 380 с.
7. **Филимонов, Б. Б.** Конец Белого приморья / Б. Б. Филимонов // Последние бои на Дальнем Востоке / сост. С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2005. — 813 с.
8. **Тарасов, М. Г.** Формирование Енисейской казачьей эмиграции в Китае / М. Г. Тарасов,

- А. В. Дудникова // Вестник Томского государственного университета.— 2014.— № 379.— С. 145–149. EDN: RZJBXJ
9. **Борисов, Б. А.** Дальний Восток / Б. А. Борисов.— Вена : Новая Россия, 1921.— 62 с.
 10. **Юзефович, Л.** Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга) / Л. Юзефович.— Москва, 1993.— 271 с.
 11. **Цветков, В. Ж.** Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник.— 2015.— № 4(46).— С. 102–128. EDN: VLJVIT
 12. **Дэмбрэл, К.** Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в / К. Дэмбрэл.— Иркутск, 2002.— 121 с.
 13. **Шинкарев, Л. И.** Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия / Л. И. Шинкарев.— Москва-Иркутск, 2004.— 526 с.
 14. **Лиштованный, Е. И.** От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный.— Иркутск, 2007.— 195 с.
 15. **Евстратов, А. Г.** Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине / А. Г. Евстратов // Архонт.— 2022.— № 3(30).— С. 85–90. EDN: GOINJE
 16. **Бредихин, А. В.** Перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества / А. В. Бредихин // Современная Азия: политика, экономика, общество.— 2023.— № 1.— С. 11–16. DOI: 10.48647/ISSA.2023.43.86.001; EDN: WNPVSM
 17. **Бредихин, А. В.** Культурное сотрудничество на пути интеграции Монголии в ШОС / А. В. Бредихин // Вопросы национальных и федеративных отношений.— 2023.— Т. 13.— № 6(101).
 18. **Гармаев, Ю. П.** Проблемы правового просвещения граждан Монголии на территории Российской Федерации в области безопасности дорожного движения / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова, Е. В. Гулина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.— 2018.— № 4.— С. 284–290. EDN: YWMQEP
 19. **Galiimaa, N.** Internal migration of Mongols to Ulaanbaatar and the Problem with the City / N. Galiimaa // Мир Большого Алтая.— 2017.— Т. 3.— № 1.— С. 43–51. EDN: YJHIUV

Сведения об авторе:

Бредихин Антон Викторович, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; РИНЦ AuthorID: 674311.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165

RUSSIAN MIGRANTS IN MONGOLIA: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT

Anton V. Bredikhin

*Institute of China and Modern Asia RAS
(32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, Russia, 117218)*

*Lomonosov Moscow State University
(1/33 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234)*

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

For citation:

Bredikhin A.V. Russian migrants in Mongolia: historical and sociological aspect. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 153–165. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165 (in Russ.)

Abstract. Migration processes are associated with the trends of globalization. Their strengthening is due to a number of characteristics connected with various historical and sociological factors, trends and epochs. The system of interstate relations between the Russian Federation and Mongolia has its own peculiarities of the migration process associated with various events of the 20th and 21st centuries, such as the Civil War of 1917–1922, economic cooperation within the framework of the Council of Mutual Economic Assistance, Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine. The Civil War in Russia moved to the territory of Mongolia, where the «white» movement was able to establish its power for a while, and later representatives of emigration went there both for permanent residence and for further departure to other countries. The unrecognized status of the «sixteenth» Union Republic in the years of the USSR contributed to the influx of Soviet specialists, the formation of a corresponding migration wave. The third stage under consideration, the period of the Special Military Operation 2023–2022, actualized the issue of the arrival of Russian relocants to Mongolia, a significant number of whom stay to work remotely in the Russian Federation. In the study the author aims to show the main stages of migration of Russians to the territory of Mongolia. Using the method of historicism he identifies the causes and results of the migration waves, provides statistical data. In the results, the author comes to the conclusion that the migration processes are based on the common cultural and civilizational code, the historical proximity of Russia and Mongolia, the need to develop cooperation within various supranational integration associations, including the Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Economic Union.

Keywords: migrants, Russia, Mongolia, Cossacks, Soviet specialists.

References and Internet sources

1. Gonchikov Ts. D., Urbanova Ch. B., Dymchikova B. Ts., Erdenesukh S. Prostranstvenno-vremennyye aspekty migratsii naseleniya v prigranichnykh rayonakh mongol'skogo plato (na primere Buryatii i Mongolii) [Spatial-time aspects of migration of the Mongolian plato (on the example of Buryatia and Mongolia)]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]*. 2019. No. 4. P. 43–50. (in Russ.)
2. Natsagdorzh B. Prichiny migratsii buryat v Mongoliiyu (na primere atsinskikh tsongol-buryat) [The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of Atsink's tsongol-buryats]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii [BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia]*. 2013. No. 1. P. 61–75. (in Russ.)
3. Imideeva I. V., Boldbaatar N., Mecdved V. A. Trudovaya migratsiya v Mongolii v period pandemii COVID-19 [Labor migration in Mongolia during the COVID-19 pandemic]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2020. No. 3. P. 122–133. DOI: 10.26653/2076–4650–2020–3–11. (in Russ.)
4. Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Grigoreva Yu. G. Migratsionnyye protsessy v usloviyakh pandemii: keys Mongolii [Migration processes in the context of the COVID19 pandemic: the case of Mongolia]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2022. No. 3. P. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831. (in Russ.)
5. Mikhalev A. V. Iz Sibiri v Mongoliiyu, ili Russkije kak men'shinstvo v usloviyah sotsialisticheskoy modernizatsii. [From Siberia to Mongolia, or the Russians as a minority under socialist modernization]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Regionovedeniye. [Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Regional Studies]*. 2012. No. 1(8). P. 117–127. (in Russ.)
6. Semyonov G. M. O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody. [About Me: Memories, Thoughts and Conclusions]. Moscow. 2002. 380 p. (in Russ.)
7. Filimonov B. B. Konets Belogo primor'ya. Poslednie boi na Dal'nem Vostoke. [The End of the White Primorye. The Last Battles in the Far East]. Comp. S. V. Volkov. Moscow. 2005. 813 p. (in Russ.)

8. Tarasov M. G., Dudnikova A. V. Formirovaniye Enisejskoj kazach'ej emigratsii v Kitae. [Formation of the Yenisei Cossack emigration in China]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Tomsk State University Journal]. 2014. No. 379. P. 145–149. (in Russ.)
9. Borisov B. A. Dal'nij Vostok. [The Far East]. Vienna. 1921. 62 p. (in Russ.)
10. Yuzefovich L. Samoderzhets pustyni (Fenomen sud'by barona R. F. Ungern-Shternberga). [The Autocrat of the Desert (The Phenomenon of the Fate of Baron R. F. Ungern-Sternberg)]. Moscow. 1993. 271 p. (in Russ.)
11. Tsvetkov V. Zz. R. F. Ungern i popytki organizatsii tsentra antibol'shevistskogo soprotivleniya v Mongolii (1918–1921 gody). [Roman F. Ungern and the attempts to organize the center of anti-Bolshevik resistance in Mongolia (1918–1921)]. Novyj istoricheskij vestnik. [The New Historical Bulletin]. 2015. No. 4(46). P. 102–128. (in Russ.)
12. Dembrel K. Vliyanie mezhdunarodnoj sredy na razvitije Mongolii: sravnitel'nyj analiz v istoricheskom kontekste. [Impact of the International Environment on the Development of Mongolia: A Comparative Analysis in the Historic Context of the 21st Century]. Irkutsk. 2002. 121 p. (in Russ.)
13. Shinkarev L. I. Tsendenbal i Filatova: Lyubov'. Vlast'. Tragediya. [Tsendenbal and Filatova: Love. Power. Tragedy]. Moscow-Irkutsk. 2004. 526 p. (in Russ.)
14. Lishtovanny E. I. Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskoi istorii Mongolii. [From the Great Empire to Democracy: Essays on the Political History of Mongolia]. Irkutsk. 2007. 195 p. (in Russ.)
15. Evstratov A. G. Relokatsiya rossiiyan v Armeniyu v svete spetsoperatsii RF na Ukraine. [Relocation of Russians to Armenia in the light of the special operation of the Russian Federation in Ukraine]. Arkhont. [Arkhont]. 2022. No. 3(30). P. 85–90. (in Russ.)
16. Bredikhin A. V. Perspektivy razvitiya Shanhajskoj Organizatsii Sotrudnichestva. [Prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization]. Sovremennaya Aziya: politika, ekonomika, obshchestvo. [Modern Asia: Politics, Economics, Society]. 2023. No. 1. P. 11–16. (in Russ.)
17. Bredikhin A. V. Kul'turnoje sotrudnichestvo na puti integratsii Mongolii v ShOS. [Cultural cooperation on the way of Mongolia's integration into the SCO]. Voprosy natsional'nyh i federativnyh otnoshenij. [Issues of National and Federative Relations]. 2023. Vol. 13. No. 6(101). (in Russ.)
18. Garmaev Yu. P., Popova E. I., Gulina E. V. Problemy pravovogo prosveshcheniya grazhdan Mongolii na territorii Rossijskoj Federatsii v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. [Problems of legal education of citizens of Mongolia in the territory of the Russian Federation in the field of road safety]. Uchenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University]. 2018. No. 4. P. 284–290. (in Russ.)
19. Galijmaa N. Internal migration of Mongols to Ulaanbaatar and the Problem with the City. Mir Bol'shogo Altaya. [World of the Great Altai]. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 43–51.

Information about the author:

Bredikhin Anton Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Modern Asia RAS, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
 Contact information: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; Elibrary AuthorID: 674311.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.